

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(4), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Аверина А. В. Типы связи в бессоюзных предложениях немецкого языка / А. В. Аверина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 9—36. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-9-36.

Averina, A. V. (2026). Types of Relations in Asyndetic Sentences in German. *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 9-36. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-9-36. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Типы связи в бессоюзных предложениях немецкого языка

Аверина Анна Викторовна
orcid.org/0000-0002-3117-6362
доктор филологических наук,
профессор кафедры грамматики
и истории немецкого языка
Anna.averina@list.ru

Московский государственный
лингвистический университет
(Москва, Россия)

Types of Relations in Asyndetic Sentences in German

Anna V. Averina
orcid.org/0000-0002-3117-6362
Doctor of Philology,
Professor, Department of German
Grammar and History
Anna.averina@list.ru

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель публикации — выделить критерии, по которым можно определить вид связи, характерный для некоторых типов бессоюзных сложных предложений в немецком языке. В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из корпуса DWDS, а также из немецкой художественной литературы. Предложено определение понятия «бессоюзные предложения». Путем использования трансформационного анализа, описательного метода и метода компонентного анализа показано, что вводимые союзами придаточные предложения обладают различной степенью интегрированности в структуру предложения, что, в свою очередь, объясняет сложности при определении типа отношений в бессоюзном предложении. Разработаны критерии, позволяющие определить характер связи в бессоюзном предложении: степень смысловой спаянности частей; наличие одного или нескольких фокусных экспонентов; способность быть в скопусе отрицания в главной части; способность реализовать функцию одного из членов главного предложения. В соответствии с критериями предложена дифференциация бессоюзных предложений: (1) бессоюзные предложения с подчинением; (2) бессоюзные предложения с сочинением. Бессоюзные предложения первого типа обладают различной степенью интегрированности в структуру целого высказывания. Показано, что интерпретация семантики отношений между частями бессоюзного сложносочиненного предложения во многом определяется типом текста.

Ключевые слова:

бессоюзная связь; немецкий язык; сочинительная связь; подчинительная связь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study aims to establish criteria for identifying the type of relation characteristic of certain asyndetic complex sentences in German. The research is based on examples extracted from the DWDS corpus and German literary texts. A definition of the term “asyndetic sentences” is proposed. By employing transformational analysis, descriptive methods, and componential analysis, the paper demonstrates that subordinate clauses introduced by conjunctions exhibit varying degrees of integration within the sentence structure, which, in turn, accounts for the difficulties in determining the type of relation in asyndetic constructions. A set of criteria is developed to identify the nature of the connection in asyndetic sentences, including: the degree of semantic cohesion between the parts; the presence of one or multiple focal exponents; the ability to fall within the scope of negation in the main clause; and the capacity to function as a constituent of the main clause. Based on these criteria, a differentiation of asyndetic sentences is proposed: (1) asyndetic sentences with subordination; (2) asyndetic sentences with coordination. Asyndetic sentences of the first type display varying degrees of integration into the overall utterance. It is shown that the interpretation of semantic relations between the parts of an asyndetic compound sentence is largely determined by the text type.

Key words:

asyndetic connection; German language; coordination; subordination

УДК 811.112.2*367.335

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-9-36

Научная специальность ВАК

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Типы связи в бессоюзных предложениях немецкого языка

© Аверина А. В., 2026

1. Введение = Introduction

В современных лингвистических исследованиях бессоюзная связь трактуется неоднозначно. Так, в русистике и в некоторых работах по сопоставлению грамматических систем немецкого и русского языков преобладает точка зрения, что бессоюзные предложения представляют собой особый тип сложных предложений, которые не могут быть отнесены ни к сложносочиненным, ни к сложноподчиненным [Белошاپкова, 1967; Валгина, 1973; Ширяев, 1986; Белунова и др., 2016; Пирогов и др., 2006]. Есть и иная позиция, согласно которой в предложениях с бессоюзной связью могут иметь место как отношения сочинения, так и подчинения [Admoni, 1986; Schendels, 1982; Moskalskaja, 2004; Тестелец, 2001]. Можно обратить в связи с этим внимание на то, что схожие в немецком и русском языках структуры получают различную интерпретацию. Так, например, в грамматике немецкого языка Г. Хельбига и Й. Буши [Helbig et al., 1996] предложения типа (1) представлены как бессоюзные сложноподчиненные, в работе Я. Г. Тестельца [Тестелец, 2001, с. 264] предложения типа (2) рассматриваются как бессоюзные сложносочиненные, хотя типы передаваемой семантики между частями предложений и в русском, и в немецком языке схожи, то есть речь идет о функционально-семантических эквивалентах, сравним:

(1) *Hätte er weiter wirklich kaufen wollen, so hätte er todsicher bei zwölfhundert aufgehört* (E. M. Remarque. *Drei Kameraden*) // *Захотел бы он действительно купить — остановился бы однозначно на двенадцати сотнях* (здесь и далее перевод наш. — А. А.).

(2) *Посмотришь — слюнки текут, а как начнешь — на селедку тянет.* [НКРЯ].

Мы исходим из того, что тип связи в сложном предложении не зависит от типа союза; в бессоюзном предложении его можно установить через определение критериев сочинения и подчинения; сама подчинительная связь является неоднородной, то есть существуют пограничные случаи

между сочинением и подчинением, а помимо сочинения и подчинения в сложном предложении может иметь место и взаимоподчинение. Взаимоподчинение, или, как отмечает А. М. Пешковский, «взаимное подчинение» — то отношение, которое выражено однородно в обоих соотносящихся частях сложного предложения [Пешковский, 2001, с. 468]. В связи с этим следующие вопросы нуждаются в дополнительном освещении:

- критерии сочинения и подчинения в сложносочиненных (далее в нашей работе — ССП) и сложноподчиненных предложениях (далее в нашей работе — СПП) с союзами;
- неоднородность подчинительной связи;
- признаки сочинения/подчинения в бессоюзном предложении;
- критерии, на основе которых можно судить о взаимоподчинении предложений в составе сложного.

Решение данных вопросов позволит осуществить системное представление отношений сочинения / подчинения / взаимоподчинения без привязки к союзам. Этим определяется **актуальность** проводимого исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в данной работе:

- показано, что придаточные предложения немецкого языка могут быть дифференцированы по степени интегрированности в структуру сложного предложения;
- выявлены критерии, определяющие характер связи в немецком бессоюзном предложении;
- предложена дифференциация бессоюзных предложений по типу связи между предложениями;
- типы отношений между простыми предложениями в составе сложного представлены в виде многочленной оппозиции «сочинение» — «взаимоподчинение» — «подчинение».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель публикации — выделить критерии, по которым можно определить вид связи, характерный для некоторых типов бессоюзных сложных предложений в немецком языке. Цель определила следующие задачи:

- (1) предложить определение термина «бессоюзное предложение»;
- (2) проанализировать критерии сочинения и подчинения;
- (3) показать неоднородность подчинительной связи в придаточных предложениях немецкого языка;
- (4) рассмотреть в соответствии с предложенными критериями бессоюзные предложения немецкого языка, в которых имеют место отношения сочинения или подчинения.

При решении поставленных задач были использованы следующие методы исследования: описательный, метод контекстуального и компонентного анализа, а также трансформационный метод. Посредством использования *описательного метода* были раскрыты особенности семантики отношений между частями сложного бессоюзного предложения; метод *компонентного анализа* позволил выстроить типы бессоюзных предложений немецкого языка; метод *контекстуального анализа* был использован для выявления влияния типа текста на интерпретацию семантики, передаваемой в бессоюзном сложном предложении с сочинительной связью. Метод *трансформации* позволил определить тип связи в бессоюзных сложных предложениях.

В качестве **материалов исследования** послужили данные корпуса DWDS и примеры, отобранные из немецкой художественной литературы. Всего было отобрано и проанализировано свыше 500 примеров, содержащих различные типы бессоюзных предложений немецкого языка. Корпус DWDS содержит 13 000 000 000 примеров из текстов немецких газет и журналов (*Berliner Zeitung, Tagesspiegel, die Zeit*), публичных выступлений политиков и разговорной речи. В процессе анализа были использованы примеры из газет и журналов, из текстов политических дебатов и разговорной речи. Обращение к текстам художественной литературы можно объяснить тем, что, во-первых, потребовался более широкий контекст употребления бессоюзных сложных предложений, а во-вторых, важно было показать взаимосвязь между семантикой отношений между частями предложений в составе сложного и типом композиционно-речевой формы в художественном тексте. В отдельных случаях приводились примеры из Национального корпуса русского языка для того, чтобы подчеркнуть универсальность ряда явлений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. К вопросу об определении бессоюзного предложения

В традиционных немецких грамматиках показано, что придаточные предложения могут вводиться подчинительными союзами, относительными местоимениями или быть частью бессоюзного предложения, как, например, это имеет место в случае со сложноподчиненными предложениями с придаточными условия типа (1) (см. [Admoni, 1986; Moskalskaja, 2004; Hentschel et al., 2013; Helbig et al., 1996]). Э. Хенчель и Х. Вайдт пишут в связи с этим, что придаточные предложения немецкого языка реализуют функции одного из членов главного предложения [Hentschel et al., 2013], на эту же особенность обращает внимание и Н. Н. Семенюк [Семенюк, 2010]. Так, анализируя развитие сложноподчиненного предложения в не-

мецком языке XII—XVIII веков, она отмечает, что различная степень зависимости придаточного предложения от главного связана с тем, что придаточное предложение может быть включено в состав главного в качестве обязательного или факультативного члена предложения [Семенюк, 2010, с. 18]. Г. Хельбиг и Й. Буша [Helbig et al., 1996] предлагают описание типов бессоюзных предложений с подчинением. Так, например, они указывают на то, что придаточные предложения бывают двух типов: вводимые союзами или относительными местоимениями и бессоюзные. В бессоюзных придаточных предложениях могут отсутствовать формальные параметры, на основе которых можно судить о подчинении. Это имеет место в сложно-подчиненных предложениях с придаточными объектными:

(3) *Er sagte ihm, er, der Kapitän, müsse die Mannschaft wieder aufrichten.* [DWDS: Zeitungskorpus] // Он сказал ему, что он, капитан, должен восстановит команду.

В приведенном примере в придаточном предложении имеет место порядок слов главного предложения: глагол занимает второе место. Тем не менее обе части предложения (главное — *er sagte ihm* и придаточное — *er, der Kapitän, müsse die Mannschaft wieder aufrichten*) образуют единое смысловое и интонационное целое, то есть в данном случае можно говорить о включении (по терминологии Г. Хельбига и Й. Буши — *Einbettung*) главного предложения в придаточное.

Рассмотрим типы бессоюзных придаточных предложений, которые выделены в работе Г. Хельбига и Й. Буши:

1) Придаточные объектные:

(4) *Er sagt ihm, sie sei eine Hexe, die zu Hause Tiere an die Wand hängt.* [DWDS: Gegenwartskorpus mit freiem Zugang] // Он говорит ему, что она ведьма, которая вешает животных на стену дома.

2) Придаточные субъектные:

(5) *In Computerspielen „symbolische Tode“ zu sterben — das sei wichtig.* [DWDS: Zeitungskorpus] // Умереть «символической смертью» в компьютерных играх — это важно.

3) Условные придаточные:

(6) *Kommt er morgen, können wir alles besprechen* [Helbig et al., 1996, S. 644].

4) Придаточные предложения уступки:

(7) *War die Arbeit auch schwer, sie musste (doch) geschafft werden* [Helbig et al., 1996, S. 644] // Хотя работа и было сложной, ее необходимо было выполнить.

Анализ предложенных Г. Хельбигом и Й. Бушей типов предложений позволяет обратить внимание на то, что следует учитывать роль не только

союзов, но и других частей речи (модальных частиц, наречий и т. д.) в установлении связей в сложном предложении. Мы полагаем, что предложение (7) все же содержит показатели связи: это частица *auch* в первой части предложения и частица *doch* во второй части предложения. Без этих слов интерпретация отношений между частями предложения вряд ли возможна. Можно привести и другие, схожие высказывания, в которых использованы частицы *ja*, *doch*, *eben*, *halt* и т. д., союзные скрепы типа *zwar ... aber*; *zwar ... nur*; *zwar ... jedoch*, *zwar ... jedoch*. Термин **союзная скрепа** заимствован из работы М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой: они обозначают данным термином показатели связи в сложном предложении, не относящиеся к союзам [Черемисина и др., 2010, с. 108]. Обращает на себя внимание и тот факт, что эти показатели могут быть использованы в обеих частях сложного предложения. Так, слово *zwar* способствует выражению уступительных отношений в сочетании с *aber*; *nur*; *trotzdem*, *jedoch* или *doch*. В синтаксической структуре предложения *zwar* может занимать позицию в предполье (9) или в среднем поле предложения (8). Это позволяет допустить, что по своим синтаксическим свойствам *zwar* сближается с фокусными частицами, в сочетании с другими показателями, например, с наречием *jedoch* в высказывании передается concessивная семантика, например:

(8) *Das kostet zwar etwas Leistung, garantiert jedoch einen erfreulich geringen Wartungsaufwand* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Хотя это требует определенных затрат, но зато гарантирует приятно низкие эксплуатационные расходы.*

(9) *Zwar sind knapp zwei Drittel der Öko-Fonds reine Aktienfonds, es gibt jedoch auch Renten- und gemischte Fonds* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Хотя чуть менее двух третей эко-фондов являются фондами только для акций, существуют также фонды с фиксированным доходом и смешанные фонды.*

Определенного рода коннектор — это и ударная частица *SCHON*, при использовании которой в высказывании может быть передано значение адверзативности:

(10) *Einige Bezirke gewähren die Jugendhilfen bislang sehr großzügig, andere sparen dagegen SCHON* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Некоторые районы до сих пор предоставляют молодежи помощь очень щедро, в то время как другие, напротив, экономят.*

В приведенном примере *SCHON* служит для выражения контраста между частями сложного предложения.

В ряде случаев имеет место комбинаторное сочетание частицы *zwar* с ударной частицей *SCHON*:

(11) *Das hat zwar auf kurze Sicht keine Auswirkungen auf den Gaspreis, den die Endverbraucher zahlen müssen; mittelfristig aber SCHON.* [DWDS:

Zeitungskorpus] // *Хотя в краткосрочной перспективе это не повлияет на цену на газ, которую должны платить конечные потребители; но в среднесрочной перспективе — повлияет.*

Ни одна из частей предложений (7) — (11) не может быть опущена без нарушения смыслового соотношения между частями сложного предложения, то есть частицы и наречия модифицируют эти отношения. Используемые в (7)—(11) частицы сближаются по своему функциональному назначению с союзами, но союзами при этом не являются. Как известно, модальные частицы выступают в роли коннекторов, то есть связующих элементов (см.: [Abraham, 2013; Аверина, 2021]). Возникает вопрос о том, можно ли считать предложения типа (7) — (11) бессоюзными. Если исходить из того, что к союзным (ССП или СПП) относятся предложения, вводимые союзами в классическом смысле этого слова, то речь идет, вне всякого сомнения, о бессоюзных предложениях. Тем не менее предложения данного типа отличает наличие показателей связи, уточняющих отношения между частями предложения. Можно допустить, что речь идет о промежуточном, переходном типе предложений, занимающих срединную позицию между союзными и бессоюзными предложениями. Если исходить из того, что смысловое соотношение частей предложений данного типа определяется обобщенным грамматическим значением употребленных частиц, то можно выделить особый тип сложных предложений — предложения с показателями связи. Наблюдения подобного рода есть в работе Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной: анализируя предложения с союзными скрепами, они отмечают, что «сведение всех синтаксических отношений между предикативными частями сложных предложений к сочинению или подчинению существенно обедняет ту картину действительности, которую уже позволяет увидеть состояние сегодняшних синтаксических знаний. Оппозиция “сочинение — подчинение”, помещенная в вершину классификационного дерева, становится тормозом для синтаксической мысли, мешая увидеть и осознать существование качественно других отношений. Такими отношениями, не говоря о нередко наблюдаемой нейтрализации оппозиции “сочинение — подчинение”, являются отношения, передаваемые разными типами двухместных скреп; это, в частности, и отношения взаимного подчинения, и отношения, которые можно осмыслить как некий синтез сочинения и подчинения, дающий новое качество» [Колосова и др., 1986, с. 79].

По всей видимости, в предложениях (7)—(11) имеет место взаимоподчинение, поскольку в каждой части предложения присутствует свой показатель связи, в то время как в предложениях (4)—(6) имеет место бессоюзная связь.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1) бессоюзная связь имеет место в том случае, если в сложном предложении отсутствуют какие-либо связующие элементы: союзы, союзные слова, относительные местоимения, частицы и т. д.;

2) если смысловые отношения между предложениями возникают при использовании модальных слов, частиц или наречий, то можно говорить о варианте, занимающем промежуточное положение между союзной и бессоюзной связью — о сложных предложениях с показателями связи;

3) наряду с сочинением и подчинением можно говорить о промежуточном типе связи — взаимоподчинении. Взаимоподчинение имеет место в том случае, если в обеих частях сложного предложения использованы модальные слова, частицы, наречия в комбинаторном сочетании друг с другом, а опущение одной из частей сложного предложения ведет к нарушению целостности всего высказывания.

Остановимся подробнее на вопросе о критериях сочинения и подчинения.

3.2. Критерии сочинения и подчинения в союзном и бессоюзном предложении

В традиционных немецких грамматиках принято считать, что позиция глагола на последнем месте является первым признаком того, что предложение является зависимым от главного. Анализ фактического материала показывает, что данное правило имеет немало исключений. Г. Хельбиг и Й. Буша справедливо указывают на то, что предложения с семантикой опативности типа (12) *Wenn es doch immer so wäre in Berlin! // Если бы так в Берлине было всегда!* [DWDS: Zeitungskorpus] не являются подчиненными, хотя порядок слов в них может соответствовать порядку слов придаточного предложения [Helbig et al., 1996]. Имеют место и такие случаи, в которых предложение с изменяемой формой глагола занимает второе место, как и в главном, однако является зависимым, то есть придаточным предложением (см. пример (4)). Для определения зависимости придаточного предложения от главного важным представляется учет других параметров — смыслового и просодического.

Смысловый параметр получает детальное рассмотрение в работе Х. Wegener [Wegener, 2000]. Разницу между сочинением и подчинением она видит, во-первых, в том, что придаточное предложение находится в скопусе, или в сфере действия оператора главного предложения. Во-вторых, интегрированность проявляется при этом на уровне не только синтаксиса, но и просодии. Так, например, в предложении:

(13) *Ich glaube, Peter kommt heute noch* (пример [Wegener, 2000, с. 37]) // *Я думаю, Петр еще придет сегодня* —

зависимая часть образует с главным одно целое. Отличие предложения (13) от предложения типа:

(13') *Ich glaube, dass Peter heute noch kommt // Я думаю, что Петр сегодня еще придет* —

заключается в том, что в первом случае оно обладает большей утвердительной силой.

Х. Вегенер рассматривает сложноподчиненные предложения с придаточными причины, уступки и условия с позиции степени их зависимости от главной части и обращает внимание на то, что они различны в плане смысловой спаянности частей: высокая степень зависимости прослеживается в сложноподчиненных предложениях с семантикой условия; средняя — в сложноподчиненных предложениях с семантикой причины, слабо выраженная степень зависимости имеет место в предложениях со значением следствия. На этом основании она делает вывод о том, что синтаксическая связь теснее в том случае, если в семантическом отношении части предложения тесно связаны друг с другом [Там же]. На смысловую спаянность частей в сложноподчиненном предложении (далее — СПП) обращает внимание и Е. В. Гулыга, отмечая, что сложносочиненные и сложноподчиненные предложения «связаны при этом зоной постепенных переходов» [Гулыга, 1971, с. 194].

Таким образом, мы видим, что такие два параметра, как просодия и смысловая спаянность частей сложного предложения, позволяют определить степень интегрированности его частей, на основании чего можно судить о подчинении.

Как скалярную величину рассматривает подчинение Ж.-Ф. Марилье [Marillier, 2000]. Он обращает внимание не только на просодическую интегрированность и зависимость придаточного от ядерного компонента главного предложения, но и на такие признаки подчинения, как 1) интеграция на уровне поверхностной структуры (придаточные предложения, способные предшествовать или следовать главному, считаются интегрированными); 2) способность быть в сфере действия ограничительной частицы или модального слова, используемого в главном предложении (*Er sagte nur, dass er krank war // Он сказал только, что был болен*); 3) способность иметь один сфокусированный компонент в сложном предложении (в дезинтегрированном придаточном есть собственный сфокусированный элемент); 4) наличие коррелятов в главном предложении всегда свидетельствует о высокой степени интегрированности придаточного предложения в главное (*Peter ist deshalb zu spät gekommen, weil er keinen Parkplatz gefunden hat // Петр потому пришел поздно, что не нашел места для парковки*) [Там же].

Можно согласиться с выделенными в работе Ж.-Ф. Марилье критериями подчинения — отметим только, что позиция придаточного предложения не всегда может быть однозначным показателем его интегрированности: так, например, придаточные следствия занимают позицию после главного, однако при использовании коррелятов в матричном (то есть главном) предложении можно говорить о высокой степени проявления спаянности частей:

(14) *Zur selben Zeit schlug sein Komplize eine Glasflasche mit solcher Wucht gegen die hintere Tür, dass die Scheibe zersprang* [DWDS: Zeitungskorpus] // *'В то же время его сообщник с такой силой ударил стеклянную бутылку о заднюю дверь, что стекло разбилось.*

Еще один значимый критерий, на основе которого можно судить о подчинении, — способность зависимого предложения быть в скопусе отрицания, использованного в главном предложении. На это обращают в своих работах особое внимание С. Кристофаро [Christofaro, 2003] и Д. Паули [Pauly, 2013]: речь идет не просто о возможности использования отрицания в главном предложении, но и о добавлении еще одного предложения, вводимого союзом *sondern* («Ein Nebensatz ist dann im Skopus der Negation, wenn er durch die Konjunktion *sondern* mit einem weiteren Nebensatz koordiniert werden kann» // Придаточное предложение тогда находится в скопусе отрицания, если оно связано с другим придаточным посредством употребления союза *sondern*) [Pauly, 2013, S. 119]. Это можно проследить на следующем примере:

(15) *Die Wirtschaftskrise wurde nicht behoben, weil alle sich durchgeboxt haben, sondern weil der Staat sich nicht aus der Verantwortung stehlen wollte.* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Экономический кризис был разрешен не потому, что все были в тупике, а потому, что государство не хотело уходить от ответственности.*

В приведенном высказывании первое предложение, вводимое союзом *weil*, находится в скопусе отрицания главного предложения: информация, которую содержит данное предложение, уже известна из предконтекста и не является новой.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что при определении степени интегрированности придаточного предложения с главным важная роль отводится выявлению семантической спаянности частей, немалое значение имеет просодический фактор, наличие коррелятов в главном предложении и способность быть в скопусе отрицания, использованного в матричном предложении. При определении типа связи учитывается и то обстоятельство, что зависимое предложение реализует функции одного из членов главного предложения. Мы исходим из того, что данные закономерности, определяющие тип связи между предложениями и степень их

интегрированности, могут быть применимы как к союзным, так и к бессоюзным предложениям.

Остановимся подробнее на вопросе о том, почему в бессоюзных предложениях могут иметь место отношения сочинения и подчинения.

Как уже было отмечено, в работах отечественных русистов бессоюзные предложения зачастую представлены как отдельный самостоятельный тип предложений. Е. Н. Ширяев дает следующую характеристику отличий между союзными и бессоюзными предложениями: союз — это «экспликация того, что уже задано лексико-семантическим содержанием предикативных конструкций», «семантика союза или союзного слова полностью эксплицирует заложенные в содержании отношения» [Ширяев, 1986, с. 67], то есть в союзном предложении отношения дифференцированы. В бессоюзном предложении смысловые отношения обладают дифференцированными и недифференцированными значениями, и определение семантических отношений во втором типе предложений зачастую затруднено. Для обоснования данной позиции Е. Н. Ширяев предлагает результаты проведенного эксперимента. Так, предложение *Кончился шторм — рыбаки снова вышли в море* получает различную интерпретацию носителями языка: и как причинно-следственные отношения, и как временные, и как содержащие сложную гамму смысловых отношений (причина и следствие в сочетании с временной зависимостью). На этом основании Е. Н. Ширяев делает вывод о том, что «недифференцированные смысловые отношения в бессоюзных предложениях — безусловная языковая реальность» [Там же, с. 70]. Еще один аргумент Е. Н. Ширяева в пользу того, что бессоюзные предложения образуют особый тип, базируется на наблюдении, что невозможно дать непротиворечивое определение сочинению / подчинению на основе чисто семантической характеристики отношений: существуют отношения, которые оформляются и как сочиненные, и как подчиненные [Там же, с. 108].

В связи с этим можно заметить, что не только в русском, но и в немецком языке недифференцированные смысловые значения могут иметь место и в сложноподчиненных, и в сложносочиненных предложениях. Так, например, сочинительный союз *und / u* в немецком языке может иметь место в предложениях, в которых находят оформление отношения уступки или причины, сравним следующие высказывания:

(16) *Das ist gut zehn Jahre her, und wir leiden noch immer darunter* [DWDS: Zeitungskorpus] (значение уступки) // *Прошло уже десять лет, а мы все еще страдаем от этого.*

(17) *Der Lehrer nickt, und Abdulghaffur macht vor Freude einen Hüpfen.* [DWDS: Zeitungskorpus] (значение причины) // *Учитель кивает, и Абдулгафур подпрыгивает от радости.*

(18) *Необрабатываемые края заготовки сдерживают расширение, металлу деваться некуда, и он начинает вздуться, приобретая объемную форму* [НКРЯ] (значение причины и следствия).

Аналогичную ситуацию мы имеем и при употреблении некоторых подчинительных союзов. Так, в предложениях с союзом *wenn* может быть реализована как временная, так и условная семантика, например:

(19) *Wenn die Sonne ihre Metallhülle beleuchtet, sind sie oft von der Erde aus sichtbar* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Когда солнце освещает их металлическую оболочку, их часто можно увидеть с Земли.*

Объяснение данного феномена дает М. Л. Котин: по его наблюдениям, грамматическая семантика союзов восходит к темпоральным значениям, поскольку две пропозиции имели ранее временное соотношение друг с другом: «Die genuine temporale Grundfunktion der Konjunktionen ergibt sich aus dem ontologischen Zeitbezug des Verbs bzw. der Proposition. Eine Konnexion von zwei oder mehreren Propositionen kann nur als deren Gleichzeitigkeit oder Aufeinanderfolge konzipiert werden» [Kotin, 2011, с. 313] // Исходная временная основная функция союзов проистекает из онтологического временного отношения глагола или пропозиции. Связь двух или более пропозиций может быть одновременной или последовательной.

Относительно второго аргумента, предложенного Е. Н. Ширяевым [Ширяев, 1986], что существуют отношения, которые оформляются и как сочиненные, и как подчиненные, отметим следующее: даже при общности семантики существуют различия между сочинительными и подчинительными отношениями. Так, например, в немецком языке отношения причины могут быть оформлены посредством сочинительного союза *denn* (19) и подчинительного союза *weil* (18):

(20) *Nach Konzerten am Donnerstag und Freitag will er seine Stimme schonen, weil schon am Sonntag gleich zwei Neujahrskonzerte in der Komischen Oper anstehen.* [DWDS: Zeitungskorpus] // *После концертов в четверг и пятницу он хочет сохранить свой голос, потому что уже в воскресенье в Комической опере запланированы два новогодних концерта.*

(21) *Das ist nicht einfach, denn es geht um komplizierte Zusammenhänge aus der Laserphysik* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Это непросто, потому что речь идет о сложных взаимосвязях из лазерной физики.*

При использовании подчинительных союзов изменяемая форма глагола занимает последнее место в предложении, в случае с сочинительным союзом (в (21) речь идет о союзе *denn*) глагол занимает второе место. Различия между предложениями с *weil* и *denn* заключаются прежде всего в том, что придаточное предложение с *weil* может предшествовать главному, в то время как часть предложения, вводимого союзом *denn*, — не

может. Существуют и другие отличия, рассмотренные в работе Э. Ланга [Lang, 1977, с. 172—173] применительно к немецким союзам. Так, разницу между высказываниями с *weil* и *denn* он объясняет следующим образом: в предложении типа:

(22) *x ist teilbar, denn x ist gerade // x делится, потому что x является четным* —

часть предложения, вводимая союзом *denn*, воспринимается как истинная, или как некая данность, что, в свою очередь, оказывает влияние на всю модель умозаключения, которая имеет место в высказывании. Вводимое союзом *denn* предложение выступает в роли антецедента первой посылки логической схемы *modus ponens*, в то время как предшествующая часть предложения выполняет функцию консеквента¹. [Там же, с. 173]. Поясним особенности данной логической схемы. Как отмечается в работах логиков, *modus ponens* является одним из вариантов выражения силлогизма, содержащего сложную посылку $A \rightarrow B$, простую посылку *A* и следствие *B*. Например, высказывание (22) может быть представлено следующим образом:

$A \rightarrow B$: *Wenn x gerade ist, dann ist x teilbar.*

A: *x ist gerade.*

B: *x ist teilbar.*

$A \rightarrow B$: *если x четное, то x делится.*

A: *x четное.*

B: *x делится.*

В предложениях типа (22) часть, вводимая союзом *denn*, представляет собой данное, то есть речь идет об известной информации. Это позволяет говорить о том, что сложносочиненные предложения причины отличаются от сложноподчиненных особенности информационной структуры. В свою очередь это находит проявление в просодическом оформлении предложения: в (21) и (22) каждая часть сложного предложения имеет свой интонационный контур.

Таким образом, недифференцированные отношения характерны не только для частей бессоюзного, но и для сложносочиненного и сложноподчиненного предложения, поэтому аргумент в пользу того, что отношения между частями предложения в бессоюзном предложении не всегда могут быть четко определены, не является весомым. Даже при общности грамматической семантики существуют отличия между сложносочиненным и сложноподчиненным предложением на других уровнях: на уровне инфор-

1 В оригинале: Der durch denn eingeleitete Konjunktssatz figuriert als Instanz des Antezedens der ersten Prämisse des *modus ponens*, der erste Konjunktssatz als Instanz der Konsequenz [Lang, 1977, с. 173].

мационной структуры, смысловой спаянности частей и просодии. На этом основании представляется целесообразным говорить о существовании отношений сочинения и подчинения в бессоюзном предложении.

Позиция, что бессоюзное предложение может быть отнесено к разряду сложносочиненных или сложноподчиненных предложений, представлена в ряде отечественных и зарубежных работ [Тестелец, 2001; Reis et al., 2010; Pauly, 2013 и др.]. Так, Я. Г. Тестелец пишет, что если две непосредственно соединяемые клаузы представляют собой составляющие, то «либо одна полностью входит в другую (подчинение), либо они вовсе не пересекаются (сочинение), и третий способ логически невозможен» [Тестелец, 2001, с. 264].

Обобщая сказанное, отметим следующее:

— критериями подчинения в немецком сложном предложении можно считать следующие: смысловая спаянность частей; наличие единого фокусного экспонента; зависимость наклонения придаточного предложения от главного; ограничения иллокутивной силы; способность придаточного предложения быть в скопусе отрицания главного предложения и реализация функций одного из его членов;

— недифференцированные отношения могут иметь место не только в бессоюзном, но и в некоторых случаях в сложном предложении, части которого соединены между собой союзной связью;

— даже при общности передаваемой в СПП и ССП семантики между ними существуют отличия, обусловленные информационной структурой предложения.

Применительно к сложноподчиненному предложению можно говорить о различной степени зависимости его частей: по всей видимости, существуют такие варианты СПП, в которых подчинение граничит с сочинением, а возможно и взаимоподчинение. В свою очередь, это обуславливает и сложности определения сочинительных / подчинительных отношений в бессоюзном сложном предложении. Остановимся подробнее на неоднородности подчинения в немецких сложноподчиненных предложениях, вводимых союзами.

3.3. Неоднородность подчинительной связи в СПП немецкого языка

Сложности, связанные с определением типа связи в бессоюзных предложениях, можно объяснить тем, что даже в СПП, вводимых союзами, можно проследить различную степень зависимости придаточного предложения от главного. Обозначенная проблематика поднималась в отечественной германистике еще в 70—80-е годы прошлого века в работах Е. В. Гулыги [Гулыга, 1971] и О. И. Москальской [Moskalskaja, 2004], есть наблюдения над предложениями, занимающими промежуточное положение между ССП и СПП в английском языке [Куралева и др., 2016]. В за-

рубежной германистике также отмечается, что подчинение не является гомогенным [Valentin, 2000], в связи с чем существует немало работ, посвященных описанию иллокутивно самостоятельных и иллокутивно не-самостоятельных придаточных предложений [Frey, 2011; Coniglio, 2011; Abraham, 2013], некоторые вопросы были освещены в публикациях автора [Averina, 2020; Аверина, 2025].

Дифференциация придаточных предложений, вводимых союзами, по степени интегрированности в структуру сложного предложения — тема отдельного исследования. В данной публикации приведем лишь отдельные наблюдения над неоднородностью подчинения в немецком союзном предложении.

Классический вариант проявления высокой степени интегрированности придаточных можно проследить на примере предложений с семантикой условия, вводимых союзом *wenn*. Рассмотрим следующее высказывание:

(23) *Das wird der Polizei nur dann gelingen, wenn sie einen ersten Blick auf die Geschichte zurückwirft.* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Полиции это удастся только в том случае, если она серьезно взглянет на историю.*

В (23) придаточное предложение не может быть опущено без нарушения грамматической правильности высказывания; придаточное и главное образуют единое смысловое целое, при этом значение условия не может быть выражено посредством использования подчинительной связи; имя существительное *Geschichte*, выступающее в роли предложного дополнения, несет на себе основное ударение всего СПП; в придаточном предложении не могут быть использованы какие-либо модальные показатели, отражающие субъективную перспективу говорящего, что можно увидеть, применив прием трансформации (см. (23a)); придаточное предложение может находиться в скопусе отрицания, использованного в главном (см. (23b)), сравним:

(23a) *Das wird der Polizei nur dann gelingen, wenn sie (*ja, *vielleicht, *anscheinend) einen ersten Blick auf die Geschichte zurückwirft* // *Полиции это удастся только в том случае, если она (*ведь, *наверное, *очевидно) серьезно взглянет на историю.*

(23b) *Das wird der Polizei nicht dann gelingen, wenn sie einen ersten Blick auf die Geschichte zurückwirft, sondern, wenn sie den Ernst der Lage erkennt* // *Полиции это удастся не в том случае, если она серьезно взглянет на историю, а в том случае, если она осознает всю серьезность ситуации'*

Напротив, низкая степень интегрированности имеет место в случае с аппозитивными относительными придаточными, которые не выполняют роль какого-либо члена предложения матричной части — это так называемые *weiterführende Nebensätze* [Moskalskaja, 2004]. Их функция заключается в том, что они продолжают повествование, «двигая» вперед сюжет, например:

(24) *Weitere 14 Spezialisten wurden nach Sri Lanka entsandt, wo sie rund 100 Kilometer südlich von Colombo im Raum Galle eine mobile Trinkwasseraufbereitungsanlage installieren* [DWDS: Zeitungskorpus] // *Еще 14 специалистов были направлены в Шри-Ланку, где они устанавливают передвижную установку по очистке питьевой воды в районе Галле, примерно в 100 километрах к югу от Коломбо.*

В данном случае придаточное предложение может быть опущено без нарушения грамматической и смысловой целостности главного предложения; в нем могут быть употреблены любые показатели эпистемической модальности, отражающие субъектную перспективу говорящего (см. (24a)), придаточное предложение не может быть в скопусе отрицания матричного предложения (см. (24b)), сравним:

(24a) *Weitere 14 Spezialisten wurden nach Sri Lanka entsandt, wo sie (+ja, +vielleicht, +anscheinend) rund 100 Kilometer südlich von Colombo im Raum Galle eine mobile Trinkwasseraufbereitungsanlage installieren* // *Еще 14 специалистов были направлены в Шри-Ланку, где они (+ведь, +наверное, +очевидно) устанавливают передвижную установку по очистке питьевой воды в районе Галле, примерно в 100 километрах к югу от Коломбо.*

(24b*) *Weitere 14 Spezialisten wurden nach Sri Lanka nicht entsandt, wo sie rund 100 Kilometer südlich von Colombo im Raum Galle eine mobile Trinkwasseraufbereitungsanlage installieren, sondern...*

Таким образом, можно говорить о различной степени проявления интегрированности придаточных предложений. Помимо рассмотренных нами интегрированных и неинтегрированных типов придаточных предложений существуют и другие, промежуточные типы, что, в свою очередь, нуждается в отдельном дополнительном исследовании и в более детальном освещении, что выходит за рамки данной публикации.

3.4. Критерии подчинения и дифференциация бессоюзных предложений немецкого языка

Мы полагаем, что характер связи в бессоюзном предложении позволяют определить следующие критерии:

- (1) степень смысловой спаянности частей сложного предложения;
- (2) наличие единого фокусного экспонента, что связано с просодической целостностью частей сложного предложения;
- (3) скопус отрицания и
- (4) способность / неспособность зависимого предложения реализовать функции одного из членов главного предложения.

Можно допустить, что использование соответствующего наклонения в бессоюзном предложении во многом определяется интенцией говорящего и не является однозначным показателем подчинения.

Рассмотрим, каким образом обозначенные критерии позволяют судить о типе связи в бессоюзном сложном предложении. Приведем в качестве примеров следующие высказывания:

(25) *Sie sagen, Sie wollen diskutieren und machen es nicht* [DWDS: Gesprochene Sprache] // *Вы говорите, Вы хотите обсудить, но не делаете этого.*

(26) *Manche sagten, er sei gar kein richtiger Mensch, sondern eine Mischung aus einem Menschen und einem Bären, eine Art Waldwesen* [P. Süskind. Das Parfum] // *Некоторые говорили, что он был вовсе не настоящим человеком, а смесью человека и медведя, своего рода лесным существом.*

(27) *Einer, der früher zur See gefahren war, behauptete, er sehe aus wie der Angehörige eines wilden Indianerstammes in Cayenne, welches jenseits des großen Ozeans liege* [P. Süskind. Das Parfum] // *Один из тех, кто раньше ходил в море, утверждал, что он похож на представителя дикого индейского племени в Кайенне, которое находится за Великим океаном.*

Придаточные предложения в (25)—(27) обладают высокой степенью иллюкутивной автосемантии — в них могут быть использованы любые показатели, указывающие на субъектную перспективу высказывания. Наряду с этим использовано сослагательное наклонение, которое определяется интенцией говорящего — если он подчеркивает дистанцированность от излагаемой информации, то в высказывании может быть использована форма *Konjunktiv I*. Функция главного предложения заключается в указании на источник информации, то есть это своего рода дополнительный маркер эвиденциальности. В сложных предложениях (25)–(27) присутствует единый фокусный экспонент: в (25) максимальное фразовое ударение несут на себе глаголы *diskutieren* и *machen*; в (26) — имя существительное *Mischung* в функции предикатива; в (27) — обстоятельство места *Cayenne*, служащее для определения именного сказуемого. Можно обратить внимание на то, что предложения такого рода могут быть в скопусе отрицания главного предложения, что можно увидеть на примере трансформированных высказываний:

(25a) *Sie sagen nicht, Sie wollen diskutieren, sondern Sie sagen, Sie wollen streiten* // *Вы не говорите, Вы хотите обсудить, а Вы говорите, Вы хотите поспорить.*

(26a) *Manche sagten nicht, er sei gar kein richtiger Mensch, sondern er sei ein Übertensch* // *Некоторые не говорили, что он был вовсе не настоящим человеком, а говорили, он был сверхчеловеком.*

(27a) *Einer, der früher zur See gefahren war, behauptete nicht, er sehe aus wie der Angehörige eines wilden Indianerstammes in Cayenne, sondern er sei einem Wolf ähnlich* // *Один из тех, кто раньше ходил в море, не утверждал,*

что он похож на представителя дикого индейского племени в Кайенне, а говорил, он похож на волка.

Способность зависимых предложений быть в скопусе отрицания главного, наличие единого фокусного экспонента и смысловая спаянность частей позволяют говорить о том, что в данном случае речь идет о подчинительной связи, допускающей появление субъектной перспективы в придаточном предложении. В смысловом отношении вряд ли можно считать главные предложения самостоятельными: используемый в них предикат требует объектной валентности, который и заполняет придаточное предложение.

Рассмотрим еще один тип бессоюзных сложных предложений:

(28) *Hätte der Schrei nicht den Nebel zerrissen, dann wäre er an sich selber ertrunken — ein grauvoller Tod* [P. Süskind. Das Parfum] // *Если бы крик не разорвал туман, он утонул бы сам по себе — ужасная смерть.*

Сослагательное наклонение в (28) не может быть заменено на изъявительное. Если одна из частей содержит изъявительное наклонение, то аналогичное наклонение имеет место и в другой части:

(29) *Machst du es nicht, werden sich Menschen zu dir gesellen, die genau diese Schwachstelle auszunutzen wissen* [DWDS: Gesprochene Sprache] // *Если вы этого не сделаете, к вам присоединятся люди, которые точно знают, как использовать это уязвимое место.*

Предложения данного типа отличает порядок слов: глагол занимает первое место и не может быть сдвинут в другую позицию. Не представляется возможным и включение маркеров субъектной перспективы — модальных слов (*vielleicht, wahrscheinlich* и т. д.), модальных частиц (*ja, wohl, doch* и т. д.) в придаточные предложения с условным значением. Мы полагаем, что это связано с передаваемой в высказываниях семантикой гипотетичности: речь идет о мыслимых, воображаемых фактах.

М. Райс и А. Вёлльштайн [Reis et al., 2010], анализируя предложения данного типа, обращают внимание на то, что в них могут иметь место два основных ударения (см. (30)), что нехарактерно для предложений, вводимых союзом *wenn* (см. (30a)), сравним:

(30) *Wenn ich MillioNÄR wäre, würde ich es tun* (пример М. Райс, А. Вёлльштайн [Там же, с. 148]) // *'Если я был миллионером, я бы это сделал.*

(30a) *Wäre ich MillioNÄR, würde ich es TUN* (пример М. Райс, А. Вёлльштайн [Там же]) // *Будь я миллионером, я бы это сделал.*

В свою очередь, это является свидетельством неинтегрированности бессоюзного предложения *Wäre ich MillioNÄR* в структуру целого высказывания. Еще один фактор, ставящий под сомнение его подчиненность, — неспособность быть в скопусе отрицания главной части, что

можно проследить на примере предложения (29), применив прием трансформации (29a):

(29a*) *Machst du es nicht, werden sich Menschen zu dir gesellen, sondern...*

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что предложения типа (28), (29), (30a) не являются интегрированными. Тем не менее их можно считать подчиненными на том основании, что они выполняют роль одного из членов главного предложения:

(30b) *Als Millionär würde ich es tun // Как миллионер я бы это сделал.*

Если считать, что порядок слов и смысловая спаянность частей в (28), (29) и (30a) тоже способны отражать подчинение, то можно допустить, что высказывания данного типа можно рассматривать как сложноподчиненные предложения с неинтегрированной частью.

В бессоюзных предложениях с сочинительной связью можно говорить о слабой смысловой спаянности частей. Анализ фактического материала позволил сделать наблюдение о том, что во многих случаях интерпретация смысловых отношений между частями бессоюзных сложносочиненных предложений определяется не только их содержанием, а также типом текста. Если речь идет о художественном тексте, то определенную роль играет тип композиционно-речевой формы (повествование, описание, рассуждение). Рассмотрим подробнее зависимость передаваемых в бессоюзном предложении значений от типа композиционно-речевой формы.

В бессоюзных предложениях, употребленных в композиционно-речевой форме «описание», передаются отношения соединения, или аддитивные отношения:

(31) *Oben waren von Fenster zu Fenster Leinen gespannt und hing Wäsche. Im Hof lagerte Holz; in einer offenstehenden Werkstatt kreischte eine Säge und flogen Späne. Neben der Tür im Hof war ein Wasserhahn* [B. Schlink. Der Vorleser] // *Наверху, от окна к окну, было натянуто белье и развешано белье. Во дворе хранились дрова; в открытой мастерской визжала пила и летели щепки. Рядом с дверью во дворе был кран с водой.*

(32) *Die Gegend ist flach, allenfalls leicht hügelig. Es gibt keine Bäume. Der Tag ist ganz hell, die Sonne scheint, die Luft flimmert, und die Straße glänzt vor Hitze* [B. Schlink. Der Vorleser] // *Местность равнинная, в лучшем случае слегка холмистая. Там нет деревьев. День очень яркий, светит солнце, воздух мерцает, а улица сияет от жары.*

(33) *Frau Schmitz bügelte; sie hatte eine Wolldecke und ein Leintuch über den Tisch breitet und nahm ein Wäschestück nach dem anderen aus dem Korb, bügelte es, faltete es und legte es auf den einen der beiden Stühle* [B. Schlink. Der Vorleser] // *Госпожа Шмитц гладила; она расстелила на столе шер-*

стяное одеяло и льняную скатерть, вынимала из корзины одну вещь за другой, гладила, складывала и клала на один из двух стульев.

Связано это с тем, что описание служит для создания статичной картины. Как отмечают О. Н. Русецкая и В. А. Лазарева, содержанием композиционно-речевой формы «описание» является «соположительная связь, что определяет характер грамматической связи — соединительную коррелятивную связь. КРФ “динамическое описание” определяет координированную, присоединительную связь между предложениями, построенную как бы на произвольной ассоциации движения мысли, без логической необходимости» [Русецкая, Лазарева, 2009, с. 118].

Предметным содержанием композиционно-речевой формы «рассуждение» является логическое развитие мыслей, рассуждение по поводу какой-либо темы или проблемы. Исследователи обращают внимание на то, что в рассуждении можно проследить две операции — комментирование и аргументирование. Особая роль отводится при этом доказательствам, опровержениям, сужениям [Там же]. По всей видимости, комментирование и аргументирование определяют и тип связи в бессоюзных предложениях, употребленных в композиционно-речевой форме «рассуждение»: как правило, речь идет об отношениях причины или следствия, например:

(34) *Die dreckige Lüge maß sich die Macht an in diesem Lande. Sie brüllt in den Versammlungssälen, aus den Mikrofonen, aus den Spalten der Zeitungen, von der Filmleinwand. Sie reißt das Maul auf und aus ihrem Rachen kommt ein Gestank wie von Eiter und Pestilenz: der vertreibt viele Menschen aus diesem Lande [...]* [К. Манн. Мепhisto] // *Грязная ложь захватывает власть в этой стране. Она ревет в залах заседаний, из микрофонов, с газетных полос, с киноэкрана. Она разевает рот, и из ее пасти исходит зловоние, подобное зловонию гноя и мора: оно изгоняет многих людей с этой земли.*

(35) *Schweigen ist eine gute Waffe; ich habe während meiner Schulzeit, wenn ich vor den Direktor oder vors Kollegium zitiert wurde, immer konsequent geschwiegen* [Н. Бёлл. Ansichten eines Clowns] // *Молчание — хорошее оружие; в школьные годы, когда меня цитировали перед директором или перед коллегией, я всегда неизменно хранил молчание.*

В (34) автор представляет метафорическое описание ситуации, сложившейся в Германии в период национал-социализма. Последнее предложение отрывка содержит бессоюзное предложение, первая часть которого описывает причину событий, вторая — следствие. В (35) автор рассуждает о том, что молчание может послужить орудием борьбы с теми, с кем нет и не может быть взаимопонимания: между предложениями возникают причинно-следственные отношения.

Композиционно-речевая форма «сообщение» рассказывает о событии в его временном развитии. В силу специфики этой формы в художественном тексте применительно к нему используется термин *повествование*. Оно является ведущей композиционно-речевой формой. Признаком повествования является монологичность. Повествование персонажей реализуется в их прямой речи (как монолог персонажа), реже — в форме несобственно-прямой, или внутренней речи [Гончарова и др., 2005, с. 167—168]. Согласно О. Н. Русецкой и В. А. Лазаревой суть смыслового содержания сообщения, или повествования — «изображение последовательного ряда событий или перехода предмета из одного состояния в другое» [Русецкая и др., 2009, с. 117]. Они обращают внимание на то, что структурным формальным содержанием данной формы являются временная последовательность и динамическая смена фаз. Это находит проявление и в семантике бессоюзной связи: между частями предложения возникают темпоральные, concessивные и adversativные (36), следственные (37) или каузальные отношения (38) и (39):

(36) *Einmal fiel ihr mitten in einem Tennismatch der Schläger aus der Hand, sie blieb auf dem Platz stehen und blickte träumend in den Himmel, ein anderes Mal ließ sie während des Essens den Löffel in die Suppe fallen; meine Mutter schrie auf, beklagte die Flecken auf Kleid und Tischtuch; Henriette hörte das gar nicht ...* [H. Böll. Ansichten eines Clowns] // *Однажды во время теннисного матча у нее выпала ракетка из рук, она осталась стоять на корте и задумчиво смотрела в небо, в другой раз во время еды уронила ложку в суп; моя мать вскрикнула, выразила свое недовольство из-за пятен на платье и скатерти; Генриетта даже не услышала этого.*

(37) *Die Luft erschien ihm staubig, raß, lungenbrennend, die Landschaft hart, er stieß sich an den Steinen* [P. Süskind. Das Parfum] // *Воздух показался ему пыльным, едким, обжигающим легкие, пейзаж суровым, он наткнулся на камни.*

(38) *Ich tat auch dies eigentümlich gehetzt und verbissen; es war mir alles zuviel* [B. Schlink. Der Vorleser] // *Я тоже делал это очень поспешно и настойчиво; все это было для меня слишком.*

(39) *Kein Geld für ein Taxi; und ich hätte zum ersten Mal im Leben wirklich eins gebraucht: mein Knie war geschwollen, und ich humpelte mühsam quer über den Bahnhofsvorplatz in die Poststraße hinein; zwei Minuten nur vom Bahnhof bis zu unserer Wohnung, sie kamen mir endlos vor* [H. Böll. Ansichten eines Clowns] // *Денег на такси не было; и я действительно нуждался в нем впервые в жизни: мое колено распухло, и я с трудом пробирался через привокзальную площадь к Почтовой улице; всего две минуты от вокзала до нашей квартиры, они показались мне бесконечными.*

Бессоюзные предложения данного типа отличает наличие своего фокусного экспонента в каждой части, а входящие в состав сложного простые предложения обладают иллюкутивной силой и самостоятельны в смысловом отношении даже в том случае, если в целом высказывании передается темпоральная, concessивная, адверзативная или каузальная семантика.

Таким образом, можно говорить о широком спектре значений, передаваемых в бессоюзных предложениях с сочинительной связью.

4. Заключение = Conclusions

Цель исследования заключалась в разработке критериев, позволяющих определить тип отношений в бессоюзных сложных предложениях немецкого языка. Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Придаточные предложения, вводимые союзами, обладают различной степенью синсемантии: существуют придаточные предложения с высокой и низкой степенью интегрированности, есть варианты СПП, в которых подчинение соответствующего придаточного предложения граничит с сочинением. Такого рода градуальность объясняет сложности при определении типа отношений в бессоюзном предложении.

2. Бессоюзные предложения немецкого языка могут быть дифференцированы на два типа: с подчинением и с сочинением. Тип связи «подчинение» позволяют определить следующие признаки: наличие одного фокусного экспонента; смысловая спаянность частей; способность быть в скопусе отрицания главного предложения и реализация функций одного из членов главного предложения. Форму наклонения в предложении определяет интенция говорящего. В бессоюзных предложениях с подчинением прослеживаются варианты с высокой и низкой степенью интегрированности предложений. Неинтегрированные предложения, или предложения с низкой степенью интеграции отличает собственный просодический рисунок и неспособность быть в скопусе отрицания главного предложения. Семантика отношений в бессоюзных сложносочиненных предложениях определяется их содержанием, а также типом текста. На примере употребления бессоюзных предложений в различных композиционно-речевых формах было показано, что для описания характерны аддитивные отношения; для рассуждения — причины и следствия; для повествования — значения времени, уступки, следствия и причины. Части бессоюзного сложносочиненного предложения обладают иллюкутивной силой, слабой степенью смысловой спаянности частей и различным просодическим рисунком, то есть У каждой из частей присутствует свой фокусный экспонент.

3. Бессоюзная связь отличает предложения без каких-либо связующих элементов. Если смысловые отношения между предложениями возникают при использовании модальных слов, частиц или наречий, то можно говорить о варианте, занимающем промежуточное положение между союзной и бессоюзной связью, — о предложениях с показателями связи.

4. Наряду с сочинением и подчинением можно говорить о промежуточном типе связи — взаимоподчинении. Взаимоподчинение имеет место в том случае, если в обеих частях сложного предложения использованы такие показатели как модальные слова, частицы, наречия в комбинаторном сочетании друг с другом.

Перспективным представляется более детальное исследование таких вопросов, как взаимоподчинение, зоны пересечения сочинения и подчинения, омонимия сочинительных и подчинительных союзов в немецком языке, а также дифференциация придаточных предложений немецкого языка, вводимых союзами, по степени их интегрированности в структуру сложного предложения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorp.ra.ru/en> (accessed 27.11.2024).
2. DWDS — *Bundestagskorpus* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024).
3. DWDS — *Gegenwartskorpus mit freiem Zugang* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024).
4. DWD — *Gesprochene Sprache* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 30.11.2024).
5. DWDS — *Zeitungskorpora* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.dwds.de/> (accessed 15.03.2024).
6. Böll H. *Ansichten eines Clowns* / H. Böll. — München : deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co.KG, 1998. — 237 S.
7. Schlink B. *Der Vorleser* / B. Schlink. — Bern : Diogenes Taschenbuch Verlag, 1995. — 207 S.
8. Süskind P. *Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders* / P. Süskind. — Zürich : Diogenes Verlag, 1994. — 319 S.

Литература

1. *Аверина А. В.* Модальные частицы в немецком языке / А. В. Аверина. — Москва : МГОУ, 2021. — 142 с.
2. *Аверина А. В.* Иллокутивная сила обстоятельственных придаточных предложений (на материале немецкого языка) / А. В. Аверина // Научный диалог. — 2025. — № 8. — С. 9—39. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-8-9-39>.

3. *Белунова Н. И.* К вопросу о бессоюзном сложном предложении в современном русском языке / Н. И. Белунова, А. Б. Черняева // *Международный научный журнал «Инновационная наука»*. — 2016. — № 6. — С. 105—109.

4. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 1973. — 422 с.

5. *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке / В. А. Белошапкова. — Москва : Просвещение, 1967. — 130 с.

6. *Гончарова Е. А.* Интерпретация текста. Немецкий язык : учеб. пособие / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. — Москва : Высшая школа, 2005. — 368 с. — ISBN 5-06-005421-7.

7. *Гулыга Е. В.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е. В. Гулыга. — Москва : Высшая школа, 1971. — 206 с.

8. *Колосова Т. А.* О принципах классификации сложных предложений / Т. А. Колосова, М. И. Черемисина // *Вопросы языкознания*. — 1984. — № 6. — С. 69—80.

9. *Куралева Т. В.* Сочинительная и подчинительная связь в английском языке : точки пересечения / Т. В. Куралева, А. С. Вахрамеева // *Научный диалог*. — 2016. — № 1. — С. 32—42.

9. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 545 с. — ISBN 5-94457-019-9.

10. *Пирогов Н. А.* Бессоюзные сложные предложения русского и немецкого языков в сопоставительном плане (на материале художественной литературы) / Н. А. Пирогов, М. А. Зенченко // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика*. — 2006. — № 6 (61). — С. 19—23.

11. *Русецкая О. Н.* Композиционно-речевые формы и структурная организация текста / О. Н. Русецкая, В. А. Лазарева // *Вестник АмГУ*. — 2009. — Выпуск 44. — С. 116—118.

12. *Семенюк Н. Н.* Развитие сложного предложения в немецком языке XII—XVIII вв. / Н. Н. Семенюк. — Москва, Калуга : Эйдос, 2010. — 170 с. — ISBN 978-5-902948-81-X.

13. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. — Москва : РГГУ, 2001. — 805 с. — ISBN 5-7281-0343-X.

14. *Черемисина М. И.* Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Москва : УРСС, 2010. — 226 с. — ISBN 978-5-397-00982-9.

15. *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев. — Москва : Наука, 1986. — 227 с.

16. *Abraham W.* Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen / W. Abraham. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2013. — 707 S. — ISBN 9783823347422.

17. *Admoni W.* Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. — Москва : Просвещение, 1986. — 336 с.

18. *Averina A.* Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung : Tiefenstruktur und Semantik / A. Averina // *Sprachwissenschaft*. — 2020. — Bd. 45. — № 4. — S. 425—471.

19. *Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen / M. Coniglio. — Berlin : De Gruyter, 2011. — 230 S. — ISBN 9783050051697.

20. *Christofaro S.* Subordination / S. Christofaro. — Oxford, New York : Oxford University Press, 2003. — 372 S. — ISBN 9780199252794.

21. *Frey W.* On the types of adverbial clauses allowing root phenomena / W. Frey // *Main Clause Phenomena*. — New Horizons : John Benjamins Publishing Company, 2012. — Pp. 405—428.
22. *Helbig G.* Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. — Leipzig : Langenscheidt, 1996. — 735 S.
23. *Hentschel E.* Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. — Berlin : Walter de Gruyter, 2013. — 484 S. — ISBN 9783110629651.
24. *Kotin M. L.* Konnektoren als prototypische Tempusmarker / M. L. Kotin // *Konnektoren im Deutschen und im Sprachenvergleich. Beschreibung und grammatische Analyse*. — Tübingen : Narr, 2011. — S. 311—323. — ISBN 978-3-8233-6558-7.
25. *Lang E.* Semantik der koordinativen Verknüpfung / E. Lang. — Berlin : Akademie-Verlag, 1977. — 320 S.
26. *Marillier J.-F.* Syntaktische vs. semantische Subordination / J.- F. Marillier // *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2000. — S. 69—83.
27. *Moskalskaja O. I.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. I. Moskalskaja. — Москва : Академия, 2004. — 352 с. — ISBN 5-7695-1400-0.
28. *Reis M.* Zur Grammatik (vor allem) konditionaler V1-Gefüge im Deutschen / M. Reis, A. Wöllstein // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. — 2010. — Bd. 29. — Heft 1. — S. 111—179.
29. *Schendels E. I.* Deutsche Grammatik. Morphologie, Syntax, Text / E. I. Schendels. — Москва : Высшая школа, 1982. — 401 S.
30. *Valentin P.* Was ist Subordination? / P. Valentin // *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2000. — S. 13—22.
31. *Wegener H.* Koordination und Subordination — semantische und pragmatische Unterschiede / H. Wegener // *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. — Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2000. — S. 33—44.

Статья поступила в редакцию 29.12.2025,
одобрена после рецензирования 29.03.2026,
подготовлена к публикации 30.04.2026.

Material resources

- Böll, H. (1998). *Ansichten eines Clowns*. München: deutscher Taschenbuch Verlag GmbH&Co. KG. 237 S. (In Germ.).
- DWD — *Gesprochene Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 30.11.2024). (In Germ.).
- DWDS — *Bundestagskorpus*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024). (In Germ.).
- DWDS — *Gegenwartskorpus mit freiem Zugang*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 27.11.2024). (In Germ.).
- DWDS — *Zeitungskorpora*. Available at: <https://www.dwds.de/> (accessed 15.03.2024). (In Germ.).
- NCRР — *National Corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpora.ru/en> (accessed 27.11.2024). (In Russ.).
- Schlink, B. (1995). *Der Vorleser*. Bern: Diogenes Taschenbuch Verlag. 207 S. (In Germ.).

Süskind, P. (1994). *Das Parfüm. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes Verlag. 319 S. (In Germ.).

References

- Abraham, W. (2013). *Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 707 S. ISBN 9783823347422. (In Germ.).
- Admoni, W. (1986). *Der deutsche Sprachbau*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 336 p. (In Germ.).
- Averina, A. (2020). Nebensätze aus der Sicht ihrer Modalisierung: Tiefenstruktur und Semantik. *Sprachwissenschaft*, 45 (4): 425—471. (In Germ.).
- Averina, A. V. (2021). *Modal particles in the German language*. Moscow: Moscow State University. 142 p. (In Russ.).
- Averina, A. V. (2025). The illocutionary force of circumstantial subordinate clauses (based on the material of the German language). *Nauchnyy dialog*, 8: 9—39. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-8-9-39>. (In Russ.).
- Beloshapkova, V. A. (1967). *Complex sentence in modern Russian*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 130 p. (In Russ.).
- Belunova, N. I., Chernyaeva, A. B. (2016). On the issue of a non-union complex sentence in modern Russian. *International scientific journal "Innovative Science"*, 6: 105—109. (In Russ.).
- Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (2010). *Essays on the theory of complex sentences*. Moscow: URSS. 226 p. ISBN 978-5-397-00982-9. (In Russ.).
- Christofaro, S. (2003). *Subordination*. Oxford, New York: Oxford University Press. 372 S. ISBN 9780199252794. (In Germ.).
- Coniglio, M. (2011). *Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen*. Berlin: De Gruyter. 230 S. ISBN 9783050051697. (In Germ.).
- Frey, W. (2012). On the types of adverbial clauses allowing root phenomena. In: *Main Clause Phenomena*. New Horizons: John Benjamins Publishing Company. 405—428. (In Germ.).
- Goncharova, E. A., Shishkina, I. P. (2005). *Interpretation of the text. German language: studies. Manual*. Moscow: Higher School. 368 p. ISBN 5-06-005421-7. (In Russ.).
- Gulyga, E. V. (1971). *Theory of compound sentences in modern German*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 206 p. (In Russ.).
- Helbig, G., Buscha, J. (1996). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Leipzig: Langenscheidt. 735 S. (In Germ.).
- Hentschel, E., Weydt, H. (2013). *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin: Walter de Gruyter. 484 S. ISBN 9783110629651. (In Germ.).
- Kolosova, T. A., Cheremisina, M. I. (1984). On the principles of classification of complex sentences. *Questions of linguistics*, 6: 69—80. (In Russ.).
- Kotin, M. L. (2011). Konnektoren als prototypische Tempusmarker. In: *Konnektoren im Deutschen und im Sprachenvergleich. Beschreibung und grammatische Analyse*. Tübingen: Narr. 311—323. ISBN 978-3-8233-6558-7. (In Germ.).
- Kuraleva, T. V., Vakhrameeva, A. S. (2016). Compositional and subordinate connection in English: points of intersection. *Nauchnyy dialog*, 1: 32—42. (In Russ.).
- Lang, E. (1977). *Semantik der koordinativen Verknüpfung*. Berlin: Akademie-Verlag. 320 S. (In Germ.).

- Marillier, J.-F. (2000). Syntaktische vs. semantische Subordination. In: *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 69—83. (In Germ.).
- Moskalskaja, O. I. (2004). *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Moscow: Akademiya Publ. 352 p. ISBN 5-7695-1400-0. (In Germ.).
- Peshkovsky, A. M. (2001). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 545 p. ISBN 5-94457-019-9. (In Russ.).
- Pirogov, N. A., Zenchenko, M. A. (2006). Non-union complex sentences of the Russian and German languages in comparative terms (based on the material of fiction). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 6 (61): 19—23. (In Russ.).
- Reis, M., Wöllstein, A. (2010). Zur Grammatik (vor allem) konditionaler V1-Gefüge im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 29 (1): 111—179. (In Germ.).
- Rusetskaya, O. N., Lazareva, V. A. (2009). Compositional speech forms and structural organization of the text. *Bulletin of the AmSU*, 44: 116—118. (In Russ.).
- Schendels, E. I. (1982). *Deutsche Grammatik. Morphologie, Syntax, Text*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 401 S. (In Germ.).
- Semenyuk, N. N. (2010). *The development of complex sentences in the German language of the XII—XVIII centuries*. Moscow, Kaluga: Eidos. 170 p. ISBN 978-5-902948-81—X. (In Russ.).
- Shiryaev, E. N. (1986). *An unconnected complex sentence in modern Russian*. Moscow: Nauka Publ. 227 p. (In Russ.).
- Testelets, Ya. G. (2001). *Introduction to general syntax*. Moscow: RGGU. 805 p. ISBN 5-7281-0343—X. (In Russ.).
- Valentin, P. (2000). Was ist Subordination? In: *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 13—22. (In Germ.).
- Valgina, N. S. (1973). *Syntax of the modern Russian language*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. 422 p. (In Russ.).
- Wegener, H. (2000). Koordination und Subordination — semantische und pragmatische Unterschiede. In: *Subordination in Syntax, Semantik und Textlinguistik*. Tübingen: Stauffenburg Verlag. 33—44. (In Germ.).

*The article was submitted 29.12.2025;
approved after reviewing 29.03.2026;
accepted for publication 30.04.2026.*